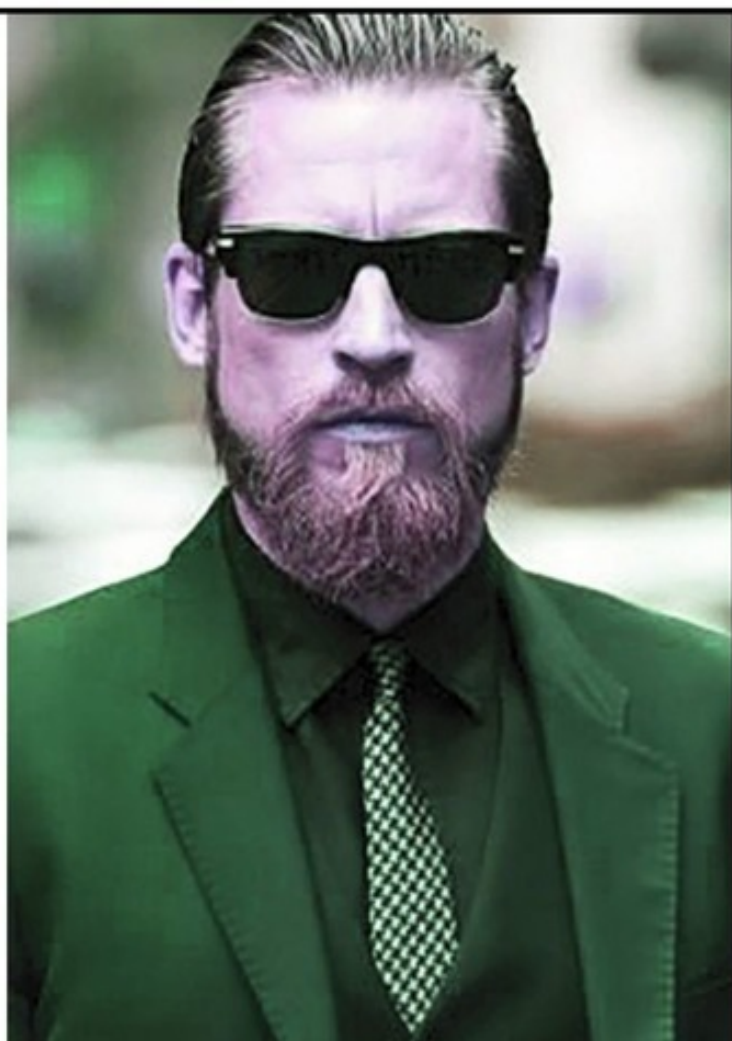

Наталия Рай

*Потомок
Монте-
Кристо*

Наталия Рай

Потомок Монте-Кристо

«Издательские решения»

Рай Н. Л.

Потомок Монте-Кристо / Н. Л. Рай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505115-8

Сборник рассказов разных лет. Первый можно считать повестью о неразделённой любви. Остальные — о жизни и о том, что она может сделать с людьми и что люди могут сделать с ней

ISBN 978-5-00-505115-8

© Рай Н. Л.
© Издательские решения

Содержание

Потомок Монте-Кристо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Потомок Монте-Кристо

Наталья Лаврентьевна Рай

© Наталья Лаврентьевна Рай, 2019

ISBN 978-5-0050-5115-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Потомок Монте-Кристо

Будь, Господи, свидетелем! – человек я воистину мирный. Что угодно могу перележать на диване, что угодно могу понять и простить. И единственное, чего прошу у людей – в дни, когда я залегаю спасаться, не трогайте прежде, чем мне удастся наладить дыхание. Увы. Я могла бы привести массу примеров, когда такая просьба – воистину вопль вопиющего в пустыне, но речь-то – не обо мне. Вернее, обо мне только частично, в связи с...

Я ведь даже не влюбчива. Я, конечно, знаю похвалы постоянству и прочим достоинствам вечных однолюбов. Но по отношению к себе это, право, настоящая катастрофа. Не могу сказать, чтобы я совсем уж равнодушна была раньше к противоположному полу, конечно, нет. Однако – в меру.

Нравились, некоторые – сильно, но любви – не было. Не потому ли она, когда настигла меня, стала настоящим бедствием? Или так вышло оттого, что это случилось со мной в зрелом возрасте, когда мне было уже около тридцати – когда характер сформирован, когда чувства сильны и устойчивы? Когда они сильнее, ибо накопилось сил души.

А начиналось всё так безобидно – до смешного. Была у меня одна проблема: кое-что надо было достать (а времена были ещё советские). И я по привычке стала всех спрашивать: не знакомы ли вы, случайно с волшебником? И кто-то ответил: он не волшебник, но сделает. Он и сделал, хотя и не сразу. Однако, дело было такого рода, что требовало времени, то есть – встреч. А ежели человек в наше суматошное время выкраивает время на встречу с вами и занимается вашим делом (даже если и за оплату) – то прямо-таки грех не напоить его чаем. Да и просто пообщаться тоже не грех – стрессы как-то снимать надо или нет?

На темы влюблённости по отношению к себе я не задумывалась довольно давно, потому и была спокойна до ротозейства. И – вдвойне – оттого, что уж Вовочка был как нельзя более далёк от моего мужского идеала: ростом с меня /нехватка как минимум десяти сантиметров высоты/, рыжий, чего я терпеть не могу, в придачу – кудрявый, быстрый, да и фигурой хлипкок: дёрганый и узкоплечий. Поэтому он сразу и намертво был зачислен по разряду: знакомый человек. Аполлон никогда не признал бы его своим. Было и еще одно: ко всем прочим прелестям, Вовочка имел жену, что всегда для меня являлось гарантией абсолютной, как у Бога за пазухой, безопасности. Я – и пресловутый треугольник?!!

И потом – человеку хорошо за тридцать, а к нему стар и млад не по имени-отчеству, как бы положено, а словно к мальчишке обращаются. Причём мальчишке с огромным списком нравственных и даже на грани конфликта с законом недостатками!

Посему я преспокойно развесила уши и относилась спервоначалу к нему так же точно, как и к своим прочим едва мне знакомым друзьям-товарищам. Которым никогда не перейти в ранг более близких, и, тем более, возлюбленных из-за сочетания таких-то факторов. А тема любви меня интересовала единственно в качестве сюжетной линии для рассказов и прочих произведений. А посему я беззаботно занималась привычными делами: он ведь в ранге временного приятеля, не имеющего и тени шанса перейти в иной разряд! Это если умолчать о том, что я влюбляться вовсе не собиралась, да и была уверена, что мне этого – не дано. Все сроки вышли!

И вот сидит у меня однажды Вовочка, пьём чай (а не алкоголь!), никого, как говорится, не трогаем, он травит чудные истории о своей армейской службе, я хохочу, как безумная, за окном – белый день, и вдруг Вовочка ляпает ни к селу, ни к городу:

– Полюби меня, а?

Причём роняет-то, словно между делом, тем же травёжным тоном и практически без остановки продолжает свою историю. Мне, невзначай, показалось, что ослышалась:

– Это ты старшину попросил или кого?!

– Тебя.

Я онемела. Меня?! Да с какой стати? При чём милиция, если гром козу убил? Он, видите ли, одинок. Нашел, пообедав, «сытого», чтоб обсудить достоинство подаваемых в «Бристол» рябчиков! Я внимательно на него поглядела, глазами переспросила, он подтверждает: нет, я не ослышалась, это не галлюцинация, я действительно это произнёс. Я удивилась до крайности, до потрясения и шока. У человека жена, связей – полгорода, родни – вторая половина Москвы и области и он – одинок. Ну, не нахал?!!

– Я вообще не от мира сего, меня никто не понимает.

Вторую половину фразы я слышала в своей жизни практически от каждого, кто именуется творческой личностью (это два ругательных слова, кстати) и знаю на неё великолепный ответ: а ты кого понимаешь, перечисли и докажи это. Но первая! Когда я сама нажила себе сотню врагов именно поэтому! Что не от мира сего.

Это понимать, что мы с ним одной крови? Ибо где вы видели поэта, который от мира сего? До чего представителей пресловутого большинства, оказывается, злит, ввергает в неконтролируемую ярость чужая свобода! Особенно, если ты не в состоянии (вернее, не понимаешь, почему должен!) ответить, почему выбираешь именно эту тропу...

О, тут-то я и погибла! Хотя от такой мысли я была безумна далека, почему и обнаружила факт собственной гибели далеко не сразу. В миг, когда подмигнула ему и промурлыкала «то ли еще будет...», я ему только слегка посочувствовала, ибо не поверила до конца в такую позицию. Но уже тогда, наверное, мы оба переступили какую-то полосу, или разорвали нить, делившую до сих пор наши две жизни.

Зря, как оказалось, на свой счёт я была так спокойна – что мне любить не суждено. Какая может быть любовь, когда столько дел?!!

Так что в ту минуту я только улыбнулась ему и пожалела. Он понял моё безмолвное: «не дрейфь, брат, то ли ещё будет!..» И мы переступили через что-то, через какую-то границу навстречу друг другу. Господи, сколько же раз потом мне придётся пожалеть о той минуте и даже проклясть её...

Когда я (уже поняв, во что именно и насколько капитально влипла) оставалась одна, то до глубин подсознания познавала, в чем состоит коварство любви. Одним словом если – в безвыходности. Когда любимого нет с тобой – тоскуя о нём, любишь ещё сильнее, ибо по пёрышку перебираешь всё, что есть – он. Когда он – с тобой, любишь ещё сильнее, наслаждаясь и любясь. И сотни раз повторяешь себе, что сильнее уже любить невозможно, но, прикасаясь, любясь, любишь ещё сильнее. Когда любимый с тобой хорош – за то, что хорош, когда обижает – оправдываешь любую тебе причинённую муку – и так до бесконечности. Это – как восходящий воздушный поток. Он несёт, уже и не спрашивая, а есть ли у тебя крылья, могут ли они взмахнуть ещё хоть раз. Да и – начинаешь сомневаться – нужны ли крылья вообще, если поток – невозвратен, неостановим, как само время.

Не знаю, что бывает с другими любящими. В смысле: пытаются ли они спастись, даже осознав полную этого невозможность. Я о себе знала совершенно точно: поздно, а потому и невозможно. Теперь ничто, н и ч т о не способно меня из этого потока изъять. Включая полный вакуум. Включая мою смерть.

О, я знала, что погибла. Знала задолго до того, как начала отмеривать первый круг ада. Но я, невзирая на, вполне, надеюсь, заслуженный, титул умной, тоже живой человек и мне, как и всем, свойственно надеяться. И я надеялась до последнего шанса, до мига, в который Вовочка предал меня у меня же на глазах, предал, сознавая, что делает и даже наслаждаясь этим предательством с каким-то мазохизмом.

Я говорю о самом масштабном, самом последнем его предательстве, совершённом уже в открытую, после которого мы и расстались. А что было до этого?! Не раз и не два он предавал

меня и я – прощала. Я, раньше уходившая от кого угодно за одну не такую фразу, за один не такой взгляд, за один не такой поступок, растерянно прощала.

С Вовочкой даже вопроса не было – прощать или нет. Само прощалось. Он стал для меня всем – и ребёнком моим тоже. Ребёнка же не выбирают и не простить своё дитя – невозможно.

Он, однако, моим ребёнком не был, таковым себя не сознавал. И относил моё всепрощенчество Бог весть за счёт чего. За счёт моей бесхарактерности, наверное. Однако, и от этой версии ему пришлось отказаться, видя мои отношения со всем прочим населением страны. С другими я оставалась точно такой же, какой была всегда, до него, потому-то Вовочка и гордился своей практически неограниченной надо мной властью, потому-то и ценил её (и меня) до поры до времени.

Встречались мы редко, ибо ни времени, ни нужды, ни желания – не было. Но перезванивались куда чаще, чем это положено столь мало знакомым людям. И только когда, в вечер Вовочкиного визита, в третьем часу позвонила приятельница, раньше трёх не ложившаяся и принимавшая меня, как снотворное, перед сном, уже лежа под одеялом, я удосужилась взглянуть на часы. «Неплохо для начала!»

Проснувшись утром, я поняла, что душа моя, оказывается, повлачилась за Вовочкой, как прикованная и что мне без неё довольно паршиво. Я попыталась призвать её обратно, но она ответила только стоном. Это было и странно, и больно, и унизительно.

Особенно, если учесть мою привычку к свободе! Ненавижу зависеть, просить, пробивать, умолять. Для другого – что угодно, я тут только орудие производства. Стоять в очереди для меня хуже казни египетской! Уж не знаю, что должно бы продаваться, чтоб я влезла в эту злобно-потную толпу. Даже за книгой Марины Цветаевой не стану рваться, ибо даже её можно взять в библиотеке, в крайнем случае, посидеть пару дней в читалке и просто-напросто выучить. Чтоб иметь её стихи внутри, в себе, везде и всегда. Чтоб не таскаться с сундуками. Эта кладь не помешает пролезть в игольное ушко.

И мне – оказаться так зависимой! Этот факт (моей возникшей зависимости) я поняла, хотя даже не представляла пока размеров и силы бедствия. Жизнь стала мерзопакостной до нестерпёжу и я нырнула на любимый диван. Это, кстати, не само спально-лежальное место, а целый комплекс разных факторов. Не помогло! Я ещё глубже – бесполезно! Поэтому я перешла во вторую фазу – крушения врагов. Подобной жестокости я от себя не ожидала: разгромила даже тех, кому давно по-христиански простила, но задействовала из-за нехватки сырья для бойни.

Не только не помогло, но стало ещё хуже. Да что такое, Господи! Перешла в третью фазу: давай пиши! Пока не напишешь столько-то страниц, не смей вставать! Сделала даже больше – никаких сдвигов! Т-а-а-к?!?

Пусть же тогда любимая наука логика помогает: и что бы это значило? Если есть результат, то должны же быть и причины, как минимум – одна? Так где же они? Не это ли и было моей самой страшной ошибкой: вместо побыстрее затоптать огонь, начать разглядывать, что это так роскошно горит? Затоптать, предоставив собственному организму, имеющему отличную защитную систему, самому бороться с этой инфекцией? Как он уже побеждал не раз измены и прочие болезни?

Но я получила то, что получила. Через полгода я обнаружила, что влюблена. Степень я не определяла, но поскольку бытует мнение, что сильней, чем как кошка влюбиться нельзя... При чём тут кошка – не пойму? Она что – дочь Венеры?

Повторяю: я – человек мирный. И – милосердный. Не сужу, не порочу, стараюсь прощать, как бы ни достали, никому не мщу (врагов я крушу внутри себя). Я, правда, многого в людях не понимаю – почему, например, кто-то за кем-то – «бегают». Потому, что – слаб человек? Досадно, но – ладно. И вот мне пришлось узнавать на собственной шкуре, что сие за прелесть – влюбиться. Когда без кого-то жизнь не в жизнь, цвет не в цвет, радость не радость,

горе не горе, друзья – не друзья, когда всё – не так и всё – не то... Словно солнце встало не только не с востока, но и не с запада даже, а вообще откуда-то с южного севера, которого и в природе нет.

Вот это удовольствие! Вот это напряжёнка ниже уровня асфальта! Особенно приятно то, что ты – главная фигура – вообще ни над чем не властна. А особенно – над собственным поведением. Даже хуже: и тот, к кому ты прикована, ничего тут изменить не может, кроме разве усиления или изменения направления излучения. Но самого факта ни прекратить, ни переменить его в знаке – не может... А напряжёнка росла шаг в шаг с течением времени. Причём независимо от того, встречались ли мы. Словно эта мелочь никакой роли не играла.

А тут и народная мудрость – насчет шила в мешке – не замедливает сбыться. И каждый на тебя вытаращивает глаза, словно у тебя вдруг выросли ветвистые рога или ты позеленела, как марсианка. И чувствуешь себя так, словно тебя отловили той, специальной для крупных животных сетью, которая запутывается и вяжет тебя тем прочнее, чем сильнее ты пытаешься вырваться. И ты – в капкане, или – в сети, и коварство её в том как раз, что чем сильнее жаждешь вырваться-выпутаться из неё, тем больше слабеешь и тем сильнее задыхаешься и гибель – вот она.

Вовочка, умный охотник, сразу понял, что дичь поймалась. И тут же переменял поведение. Слово «ухажёр» нынче стало каким-то чуть ли не похабным, хоть так и осталось всего-навсего отглагольным существительным. (Что даёт основания для ещё одного циничного замечания: насколько люди могут испортить что угодно, к чему прикасаются, включая даже собственный язык!). И хотя я свою суть квалифицирую по шкале: душа, человек пишущий, просто человек и только потом – женщина, я всё-таки – женщина и реагирую на доброе отношение. У меня, естественно, имеется не только внешний идеал мужчины (я имею в виду не только внешность), но и идеал поведения этого идеала.

Идеал поведения был соблюден. Всё, что должно было быть отдано, всё внимание, которое должно было бы оказано, было отдано и оказано. Надо ли добавлять, что я не устояла? С глубокой скорбью, как женщина, вынуждена сознаться, что из-за эмансипации, которую всем сердцем ненавижу, ибо это она превратила нас, прямо по той частушке, в кого угодно, лишив настоящей женской сути и исконно женских прав – мы настолько обделены теплом, требующимся именно женщине, что практически не в состоянии устоять, стоит кому-нибудь дать себе труд нас погладить...

Я воистину скорблю о временах, когда не только отцы и братья – всех степеней родства, но все мужчины без исключения – считали прямым своим долгом нас защищать и оказывать знаки внимания! Каждая из нас теперь стоит на таком юру, что любой сарай, в который нас приглашают с милой улыбкой, сразу кажется дворцом. Уверена, что всякий, проанализировав все, ему известные – из лично виденных или ставшими явными из прежде тайных – несчастных любовных историй – может легко убедиться, что главной и практически единственной причиной всегда была несчастность – читай обделённость в тепле! – героини любовной трагедии.

Я отдаю себе отчёт, что даю негодяям вернейший рецепт умножения подобных трагедий. Но столь же верен этот рецепт и порядочным людям, страдающим от одиночества: как женщинам, так и мужчинам. Первым – не льстись на всякую ласку, ибо тебя, возможно, гладят, чтоб заполнить время, оставшееся до начала какого-нибудь мероприятия. Вторым – вот, значит, как понимать вечную загадочность женщин? Это только часть загадки, но очень важная. Ибо не может же греть и гореть долго костёр, плавающий на одном только энтузиазме. Я, возможно, очень субъективна, но, перед престолом Господним клянусь, прилагаю все усилия, чтоб быть честной и справедливой. Я до сих пор так и не понимаю, хороший ли Вовочка человек. Любил ли он меня? Уверена, что пойми я это, я излечилась бы.

Однако, я проиграла и тут. А выложи я содержание данного абзаца Вовочке, что он подумал бы обо мне? Если и друг, то есть человек, считавшийся у меня в ранге друга, услышав сие, беспепелляционно обвинил меня в бесовской гордыне.

Но вернёмся к нашему барану. Убедившись, что любим, Вовочка, к примеру, вовсе перестал мне звонить. Даже если ему что-то от меня требовалось, он просто ждал, пребывая в уверенности, что я никуда не денусь, сама позвоню. И, конечно, был прав. Ибо мне физически необходимо было услышать, что вот он: не только есть такой – на Земле, но даже жив и практически здоров. Я понимала, что такое моё поведение почти равнозначно по эффекту ежедневному забрасыванию меня тухлыми яйцами, но я уже ничего не могла с собой сделать и снова и снова подвергалась ежедневной экзекуции.

Особенно меня бесило собственное бессилие – хоть что-нибудь изменить: ни в своём поведении, ни в его, ни в общей расстановке позиций. Больше всего ужасало то, что единственным, кто мог бы сообщить мне сроки этого истязания, был Бог, а связи – двусторонней, телефонной, например, – у меня с Ним, увы, не было.

Если вам кажется, что я всё о себе, да о себе, то вы – ошиблись. Ибо это – именно и только о нём. Нигде так хорошо не виден и не раскрыт до самого дна души мужчина, как в отношении к женщине.

Вовочка был, как это тогда называлось, «подпольщиком». Это теперь у нас кооперация, коммерция и разнокалиберный «бизнес», тогда же каждый был обязан ходить на государственную службу. А если кто хотел распоряжаться собой по собственному усмотрению, то должен был извернуться так, чтоб иметь право на это. В моих глазах это был Вовочке плюс: тоже любит свободу! Предпочитает жить то пусто, то густо, чем кормить сто нахлебников!

У меня свои сдвиги. В частности, привычка к свободе. Говоря иначе, к полной и совершенно автономной независимости. Ненавижу оглядываться на кого бы то ни было – какими бы ни были причины этой зависимости. А такой зависимости – тем более!!! (Подозрение, что и от моральных, христианских норм я стараюсь не зависеть тоже, неверно, потому что эти нормы органично включены в определение моей свободы).

Ох, и паршиво же мне стало! Причём это я ещё забегаю вперёд. Сперва я даже не поняла, что именно произошло. Почему-то вдруг жизнь моя, дотоле хоть местами терпимая, стала мерзопакостной до непереносимости, и только. В принципе, предпосылки для ситуации с таким привкусом были другие и много. Состояние вот только было неожиданным и непонятно странным. Но поскольку эта странность мной была отмечена впервые, то я решила, что это – возрастное. Естественно, я нырнула на любимый диван.

Что за чертовщина – не помогает? Лучший мой спасатель, любимый диван, который прежде мог всё, вдруг оказался бессильным?! Впору осатанеть. Я вовремя вспомнила, что любимой моей наукой является логика и села подумать: что бы это значило? Не моё определение – я заболела. И в один из прекрасных дней я поймала себя на крамольном желании просто увидеть его. Кстати, глаза у него были хороши: синие-синие и под высокими бровями. Зато его рыжесть и кудрявость (чего я тоже терпеть не могла – вывих ген!) и, как уже сказано, ещё целый арсенал отрицательных для меня показателей, уже, увы, никакой роли не играли и играть не могли. Собственно – глаза: единственный в моих определениях внешний плюс. Но – я люблю открытые глаза. И синие – тоже, хотя бы потому, что мои – тёмные.

Тогда у меня ещё не было ни малейшего подозрения относительно собственного состояния и посему найти достойный повод позвать Вовочку было плёвым делом. Он и прилетел, как только смог.

Что это за невыносимость – не видеть кого-то, без кого и жизнь не жизнь, и всё – не то, и всё – не так. Вроде бы и ничего особенного, все так же мечутся-бегают, а тебе постоянно чего-то не хватает. Как в недосоленном хлебе. Что за пытка, Господи! Не столько происходящее само по себе страшно, а именно то, что ты над собой в этом происходящем не властна

совершенно – ужасно, ибо ничем и никак нельзя себя перенастроить с данной волны и никто не поможет тебе в этом. И с каждым следующим разом, с каждой новой встречей всё идет по нарастающей.

***

Вовочка сразу всё понял. И мгновенно изменил поведение. Он был, до мига получения результата, идеальным ухажёром. Как он ухаживал – не суть важно, но с моей точки зрения – идеально. Всё, что мне требовалось – угадал, всё до мелочей просчитал и отдал. До минуты, когда я, совсем уж одурев, не призналась.

Я и в сию минуту люблю его. Это я к тому, чтобы никакие мои слова не воспринимались как обвинение ему во всех смертных грехах. Я, видит Бог, до сих пор не понимаю о нём ничего. (Замечу попутно, что мы и себя часто не понимаем и не знаем, а уж других-то!). Может быть, пойми я это, я и излечилась бы? Не понимаю – больна с той же силой.

Ходят слухи, что низкорослые мужчины – все! – с комплексами, число которых не сосчитать даже специалистам высшей математики, снабжённым суперсовременной техникой. То ты им слишком длинна, то – слишком умна, и то в тебе им не эдак, и это не так: всё могут опорочить для самоутверждения. Право же – Вовочка ярчайший тому пример. Комплексов у него – на роту. Что, например, могла я ответить на вопрос:

– Почему ты пишешь?

Самый разумный и исчерпывающий, на мой взгляд, но ничего, на Вовочкин взгляд, не объясняющий ответ:

– Для того и родилась!

Но и это, простое, в общем-то объяснение, я с трудом извлекла из глубин собственного подсознания лишь после определённых усилий, да и то только после вопроса. Никогда об этом не думала – почему. Господи, да откуда я знаю? Потому же, почему и дышу: так устроена. Для этого послана в этот мир. Особенно, если учесть, что я поначалу лет десять упорно сопротивлялась необходимости быть стилем для кого-то невидимого, что пресловутый Пегас все копыта отбил себе о мою печень, что все до единого редакторы и издатели при моём имени честно ответят, что и не слышали обо мне... Слишком низко я склоняюсь перед именем Марины Цветаевой, чтобы делать попытки встать с ней рядом.

Судьба такая и всё тут. Этот вопрос из серии практически не подлежащих ответу, как, например, такой: почему у человека два глаза, а не один или не три? Так вышло, так надо, так должно. Кому, зачем? Господь Один знает.

Но вернемся к нашим баранам.

Мне было физически необходимо его хотя бы услышать. И голос у него не так чтобы уж что-то выдающееся, но – родной. Услышу – жива, не услышу – вою. Причём иногда в прямом смысле. За предыдущие тридцать лет жизни я столько не плакала, сколько за эти три года. И даже не столько от тоски, сколько от оскорбительного, унижающего бессилия; ничего я, даже если наизнанку вывернусь, не могу изменить, да даже другой оттенок происходящему придать – не в состоянии. И, самое страшное, неизвестно, когда это закончится. Я что угодно могу вынести, если знаю, что вот в такой-то день наступит конец. Тут же и Господь ничего не знал, я полагаю.

Итак, Вовочка был «подпольщиком». Коли права быть самому себе хозяином у человека нет, надо суметь устроиться так, чтоб оно – было. Вот и было. У тех, кто любил свободу больше рабства. Как-то мы посчитали, сколько у Вовочки профессий и обнаружили – четырнадцать. И каждая по довольно высокому разряду, каждая способна его прокормить. Причём на уровне отборной чёрной икры. И сам Вовочка способен работать по сколько угодно часов, но с тем, чтобы потом полноценно отдохнуть. Прямо по присказке: сделал дело – гуляй смело.

На момент нашей встречи Волочка «рубил» надгробные плиты на Ваганьковском кладбище. То есть «доставал» эти самые плиты (где? иначе говоря, просто-напросто воровал), брал заказы и нарубал на плиты всё, чего требовали родственники покойников, причём в художественном исполнении. Деньги – оно, конечно, да и работка-то не приведи Господь: пыль столбом. Причём каменная пыль. А дышать надо? Но он дышал, отвергнув даже мысль о респираторе, потому как долги были – я ахнула – тридцать тысяч, в советских ещё рублях. (А советский рубль имел котировку 55 американских центов, то есть почти два доллара покупал). Откуда у мирного советского гражданина такие долги? Уметь надо.

Каким образом он занялся таким «творчеством»? Вовочка, ещё до кладбищенской своей карьеры, закончил свою подпольную деятельность по ремонту личных автомашин, хотя и несколько вынужденно, но решил отдохнуть, потому что отпуска нужны и свободным труженикам. Ну, естественно, первым делом он пошёл за бутылочкой, тем более – гости предвиделись. Тогда ещё не такие, как позже, перед перестройкой, очереди стояли в винных магазинах, но всё же – была тогда очередь, не особенно, правда, большая. Он возьми да и попроси передних – мужики, возьмите бутылку, всего-то одну мне и надо. Уперлись – ни один. Ладно бы опасность была, что им не хватит выпивки, так ведь магазин битком набит, да и ассортимент – на зависть.

«Ах, так!» – сказал про себя вмиг озверевший Вовочка. Смирно, ни с кем не выясняя отношений, встал в хвост очереди и как только подошёл его черёд, спрашивает:

– Сколько у тебя тут всего?

Продавец посчитал. —

Вовочка:

– Всё забираю.

Очередь ахнула и умерла.

А продавцу что, работы меньше.

Выгрузили тут же на улицу всё спиртное, что было в магазине. А времени-то – полдень буднего дня, так что до вечера Вовочка караулить ящики поставил своего дружка, а за это время всех, кого только знал и не знал, пригласил на великий кутёж. Да ещё и в родное милицееское отделение сбегал, наврал там с три короба да и добился негласного разрешения – за мзду, естественно, на задуманную гульбу... С полуночи перегородил ящиками родную улицу и всякому – пешему и конному – предлагал выпить. Водки-то – хоть залейся. К утру родимый микрорайон в лёжку лежал и только рассолу просил. Сам Вовочка тоже времени даром не терял, и, задним числом, предполагаю, что ящика два коньяка он осилил точно..

Он, по моему (всеобщему) мнению, вообще не умеет тормозить. Что в жизни, что на машине. Запил Волочка, загулял. А он – товарищ компанейский, посему весь район гудел, пока пропивались наличные пятьдесят тысяч (а рубль тогда стоил, напоминая, 55 центов!). Но это ведь значит – остановиться? Вовочка же только разгулялся. Бросил он клич:

– Мужики, беру займы на двадцати процентах!

И те, кто пил с ним, охотно выложили деньги на продолжение банкета. А в один из просветов (перед началом следующего ящика) Вовочка вспомнил об арифметике. О, это великая наука! Сел, подсчитал, во что ему вылилось желание насолить ближнему, плавно перетёкшее в желание догулять до «не могу»: тридцатник. То есть тридцать тысяч рублей при вышеназванном курсе. А ведь ещё и жить надо! А сроки отдачи – жмут. Объявил, значит, Вовочка: шабаш, братья, работать пора.

И – вот – труд на благо покойников. Причём виден был уже довольно близкий финиш. А ведь только-только год прошёл. А тот тридцатник не только удвоиться успел (20 процентов Вовочка в яри предложил за каждый месяц!), да и собратья-собутельники не погнушались Вовочке «счётчики» включить – ни дня сверх срока ждать не стали.

Признаюсь, я, со своей хвалёной логикой, стала в тупик. Ситуация! Не она ли и вынудила произнести те гибельные для меня слова?

Пока я устанавливала и осознавала, что действительно влюбилась, Вовочка благополучно рассчитался с долгами, не совсем, правда, как я после узнала и опять сменил род деятельности – занялся фотоделом.

Приходится мне сделать отступление. Какая, Господи, тоска! Стоит под горлом и ни продоху, ни роздыху мне от неё. А ведь не меньше ста раз уже казалось мне, что я победила, задавила её в себе, загнала на самое-самое дно души: ведь расстались мы, расстались. Ведь гордая я. Но так душа болит – одна сплошная рана, с неё вся кожа содрана, мякоть ошмётками, каждое самое нежное и ласковое дуновение – как рашпилем – как, Господи, болит! Как давно и как невыносимо болит. Я, гордая, упала бы на колени, моля: вернись, останься, дай дышать. Но – знаю: бесполезно! И болит запредельно, хоть в петлю. Но и петля, знаю, не поможет. Нет спасения. Проклял меня кто-то, что ли?

Когда-то, в благополучные времена, Вовочка попросил:

– Напиши ты о моей жизни странной, да только так, чтоб мне не сесть тут же, а то я тебя знаю – не роман, а прямо-таки чёрное досье получится.

Я, смеясь, согласилась. И вот – пишу. Но не в том настроении пишу, не то над плечом висит, не тем душа дышит, чем думалось. Всегда, сколько жила – работой спасалась. Что бы ни случилось со мной: выпишусь-выплачусь-выработаюсь и – как новенькая. Столько старалась я забыть о нём, а вот – пришлось вспомнить: так и не знаю я другого от беды зелья, кроме работы. А другое – не пишется. Знать бы хоть, что – когда допишу – полегчает... Может, и полегчает. Но сейчас, когда я его вспоминаю...

Всё я в нём любила – и хлипкую его бородёнку, которая хоть ему и шла, да ведь и невзрачна была, особенно в сравнении с усами, такими же рыжими, как и кудри, которые всегда и у всех мне резко не нравились: и росточек, и суетность, и напрочь исцарапанные-избитые руки. И даже дурацкие наколки-русалки, узкие плечи, и необязательность, и виртуозность вранья, и способность взять без отдачи, и лень его несусветную при умении работать сутками, бессонные с ним ночи – всё. И то, как машину водит – почти не тормозя. Ехали мы однажды по Ленинградке, по скоростной полосе. Я, естественно, ничего не вижу, не замечаю, кроме него. Вдруг как-то подсознательно, что ли, обнаруживаю гул, как в самолёте... Глядь на спидометр, а на нём – сто двадцать. А мы к центру едем. Где и машин побольше, и светофоры, и постовые, и туннели... Я, впрочем, не возражала, хоть и в ад – лишь бы вдвоём.

Но вернемся в ДК (то есть дом культуры), где обосновался Вовочка со своей фотолабораторией. Всё нужное он достал, невзирая на тогдашние наши сплошные дефициты, для работы и самого лучшего качества. Даже обеспечил заказы. Которые, увы, выполнять надо. А кому?

Компанейство или что другое его побудило – только набрал он кадров, не приведи Боже. У Вовочки всегда самовар, всегда чай и кофе, всегда к чаю-кофе те ещё закуси, народ и толчется с утра до ночи, поглощая всё в невероятных количествах. И дым табачный клубится, как если б здесь – выход заводской трубы.

Я там бывала редко. Что мне там делать? Я, конечно, фотоаппарат от винтовки отличу, но и только. А уж где надо нажать, чтобы снимок получился – до таких глубоких познаний я не дошла. К чему? Так и сварку, и жестяные, и прочие работы пришлось бы изучать, чтобы Вовочка мог со мной, как с достойным партнёром, сотрудничать. У меня уже своих специальностей – восемь, куда мне ещё и его четырнадцать? Я в святые не стремлюсь.

Но тут грянул Новый год. Вовочка и пригласил моего сына на представление под ёлкой, которые в ДК шли ежедневно по несколько раз все школьные каникулы. А Вовочка эти представления (то есть детей по заказам родителей) снимал. Пришлось и мне идти. Сын-то ушёл с детьми в зал, а я в холле осталась стоять. Случай немедленно свёл меня с дамой, которую в своё время избил муж и посему она – по протекции Вовочки – жила у меня с неделю, пока

супруг осознает, что драться, а тем более с заведомо более слабой женщиной, нехорошо. И ещё один парень был полужнаком – приходил ко мне однажды с Вовочкой. Я, конечно, опять, как глухарь на токовище, оглохла и ослепла. Но особа я не настолько уж и толстокожая – столько чужих взглядов и бегмота оторвут от созерцания. Оглядываюсь и внутренне ахаю: я – прямо-таки шпион в кольце любопытных, своего любопытства и не скрывающих. Мне, естественно, тут же пришло в голову, что во внешности моей что-то – не так. Огляделась – вроде бы всё в порядке. Разве помада – на лице? Спрашиваю у знакомой дамы: утверждает, что и помада с губ не переместилась к уху. Что бы сие значило? Тут Вовочка куда-то испаряется и дама вносит ясность:

– А Вовочка давно всем раструбил, что ты в него влюблена до безумия. А вон та чернявая – евонная жена.

Ох, и навернулась я об землю, хотя дело было вовсе не в высоте небес. Мало первого, ещё и второе, причём не в том даже плане, в котором вы подумали.

Как с очевидным фактом, считаюсь со святостью семьи. С какой, скажите, стати разрушать что-то, построенное двумя? Захотят – сами разрушат. Без меня. А не разрушат – так тому и быть. Значит, накрепко строено.

И еще: разве мог мой любимый выбрать плохую, тем более – хуже меня? У него – ангел, не меньше. Если ангелы такие – внешне и внутренне – Господи, спаси от рая.

Да, как-то забыла сказать: от всей этой кутерьмы (от влюблённости моей, то есть) у меня непонятно как проявились странные, меня саму сильно удивившие, способности видеть сквозь стены и расстояния. В самом буквальном смысле этого слова – я здесь вовсе не употребляю поэтическое преувеличение. Правда – только Вовочку.

Я тосковала по нему двадцать пять часов в сутки, я столько же думала о нём и только о нём. Душою летела туда, где он. И «долеталась» до того, что стала виртуально находить. Словно случайно, ехала куда-нибудь – (а Москва – большая) – где чуяла Вовочку и налетала на него, до слёз его изумляя. Сперва. После он стал меня подозревать в том, что я учредила частную сыскную контору, причём работают на меня и Шерлок Холмс, и Мэгре, и Пинкертон сразу. И даже мисс Марпл.

Пришлось открыться. Он не поверил, пришлось доказывать. Мы не видимся и не созваниваемся. Кстати, у Вовочки часто бывает так, что он и сам не знает, где будет в течение ближайшего часа и, тем более, дня. И вот он срывается и улетает. Я под присмотром одного из его друзей остаюсь дома. И мысленно слежу за биением Вовочкиного сердца. С какой скоростью он ездит, я уже говорила, о напряжённости транспортного потока Москвы и говорить не надо. Я теряю его – минут на десять – на подъездах к Маяковке. Потом обнаруживаю на каком-то возвышении, среди множества народу и лязгу, как в гигантской кузнице. Сам же Вовочка – щёлкает фотоаппаратом. Часа полтора. А потом он едет ко мне.

– Ну что, и где же я был?

Описываю в уверенности: полнейший провал. Ничуть не бывало. В саду «Эрмитаж» снимал рок-концерт.

Вовочка (и вся его команда) был поражён почти до заикания и предпринял ещё несколько подобных экспериментов: и всегда я процентов на девяносто точно описывала обстановку. Тот же гостиничный одесский номер и даже в нём с Вовочкой сидящих, хотя понятия не имела, что он уже успел переместиться в такую даль. Сама при этом я была в Москве и давала интервью по междугороднему телефону.

Ну, кто на его месте не возгордился бы? А Вовочка – тоже человек. Прискорбней – мужчина. Которые, увы, с некоторых пор всем своим поведением требуют, чтобы определение «слабый пол» относили именно к ним (отчего женщины автоматически перемещаются в разряд пола сильного), и относились бережно и трепетно, но поскольку их до сих пор так и «не бере-

гут», они, полагаю, посему не могут упустить ни одного случая ещё раз – даже если и не срочно нужно – самоутвердиться.

К чему я об этом? Потому что я стала видеть его и во внутреннем цвете. Да и нескольких близких тоже. Вовочка – к моей неопишуемой радости – оказался бел, как первый снег, который, в случае возникновения у него любых проблем, словно покрывался самыми разноцветными пятнами и полосами в точном соответствии с происходящими событиями. Так что я, не видя и не слыша Вовочку неделю, могла вдруг позвонить и спросить:

– Что случилось, что происходит?

И это в худшем случае. А то и начинала убеждать его, что человек, выглядящий так-то – пакостник и негодяй. И ни разу, увы, не ошиблась.

И вот я вижу воочию Вовочкину жену, которую ни разу не пыталась увидеть своим странным умственным зрением. Я обмерла. Если бы мне выплеснули в лицо ведро с прокисшими помоями, я была бы поражена меньше. Ох, и расцветка была у неё – что лицо, что волосы! Господи, помилуй и спаси! А внутренний цвет: на чёрной основе полосы тёмных – с грязным отливом – цветов. Это – его жена? Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Было, тем не менее. Каким стало мое лицо, не знаю, но если отточевавшая в дни оны у меня дама потащила меня срочно пить кофе... Не прерывать же было мне беготню возле ёлки – сын-то чем виноват, чтобы вдруг уезжать?

До этого дня я жила, в общем-то, довольно спокойно. Я постановила и подписала окончательно и бесповоротно: он – женат. Что я люблю его – знает, если захочет быть со мной, – будет. Не захочет – останется с той, с кем он сейчас. Значит, там ему лучше. Аминь.

Самый главный и краеугольный камень выпал из моей башни: не может ведь быть, чтобы эта – любила, не может! Значит, не любит. Значит, моя любовь хоть когда-нибудь, но понадобится ему. Мы соединимся или нет Бога на свете. Рухнула башня и осталась я голее всех голых соколов и надежда вспыхнула во мне. Надежда на счастье. И три года слёз и мук было положено, чтобы узнать: ничему для меня не бывать, кроме мук и слёз. Потому что как всякий народ имеет правительство, которого заслуживает, так и всякий мужчина имеет жену, которую заслуживает. (И всякая женщина влюбляется в представителя противоположного пола с уровнем души, которого она заслуживает!).

А тогда Вовочка, вернувшись в холл и не обнаружив меня на прежнем месте, прискакал в кафе. И присоединился. «Забыв» позвать жену. (Из чего тоже можно сделать определённый вывод). А потом ещё и затащил меня в свою берлогу, которая в наши дни непременно требовала бы высокого титула «офис», хотя тут было ни пройти, ни проехать. Он ведь не знал, что мне уже показали его жену. Нас он не познакомил – был спокоен. И мы сидели визави на глазах у приличного количества народа (которого я, во всяком случае, не замечала) и я впервые обнаружила, как красив у него рот, как великолепны – пусть и рыжи – усы и впервые подумала, что чертовски, наверно, приятно его целовать. И впервые он, светясь, как новый рубль, сказал мне потихоньку:

– Не ешь меня глазами.

Хотя активно занимался тем же самым. А ещё – разносторонне одарённая личность! – старательно работал на публику, имея в виду одну меня. Это я, ничего не заметившая, его поведение воспринимавшая как привычное для него, узнала потом всё от той же дамы, назавтра ко мне прибежавшей (хотя телефон у меня был совершенно исправен) и сообщившей, что таким она Вовочку за год не видела ни разу, и что жена по моём уходе закатала ему дикий ревнивый скандал, и что сама она глаз от Вовочки не отрывала, – всё надеясь понять, за что же я так влюбилась в него. Словно это вообще было понятно хоть кому-нибудь, считая от Адама: само явление, я имею в виду.

Уж не знаю, что там наговорили Вовочке присутствовавшие на мою тему – потеплело и сильно. Вовочка по делу и без дела заскакивал в любое время дня и ночи, один и не один. И мы целомудренно сидели и общались, и как счастлива я была: он – рядом!

***

Но вернёмся к нашему барану и его делам. Которые шли всё хуже и хуже: охотники до даровщины оказались куда меньшими охотниками до работы, даже если за неё щедро платят, но не за красивые же глаза! Пошли скандалы с клиентами из-за постоянных срывов выдачи готовых фото и систематического брака. Отдувался, конечно же, Вовочка. Он же отдувался и за всё чаще и во всё больших масштабах исчезающие химреактивы и прочие материалы, без которых выполнять заказы по фотodelу просто нечем.

А денег требуют то здесь, то там, причём всё больше и всё настойчивее. Опять пошли у Вовочки займы, да на кратчайшие сроки, да по бешеным процентам. И – оборвалось. Грянул дикий скандал.

Вовочка прибежал ко мне. Моя квартира превратилась в филиал генштаба, я же, как сталевар от мартена, почти не отходила от плиты, готовя бесконечные литры кофе и прочие съедобные вещи. (Денег на съедобные припасы выдать Вовочка, естественно, не удосужился. «Позабыл»...). А народу сколько прошло через мой дом – я со счёту сбилась.

Недавно я вычитала очень интересное определение: воистину свободен лишь тот, кто способен и умеет не ущемлять чужую свободу! (Теперь понятно, почему вокруг столько рабов!). Именно последние свободу понимают, как вседозволенность, причём исключительно для себя! Возможно, именно усталость, которую порождает неустанная борьба против посягательств (выражающихся в том числе и так, как посягали на Вовочкину свободу – его кадры), и вынудила его сказать те, для меня губительные, слова. Когда теперь я думаю об этом, такая тоска закупоривает мне горло – ни продыху, ни роздыху... Сколько раз хотелось мне – от невыносимой боли – упасть перед ним на колени! Но я не упала, потому что встаю на колени только перед Господом и присными Его. Вовочка же не входил никогда в это число.

Да, я любила его безмерно, но это ничего не значило! Его обращение со мной ясно говорило мне, что если зла в нём нет, то и добра – тоже. Ибо в миг, когда я, корчась от запредельной боли, однажды при нём непроизвольно заплакала, – он сказал, что ему меня ничуть не жаль. Что я сама виновата. Допускаю, что виновата только я – на все сто процентов, но не он ли довёл меня до того, что я вовремя не смогла загнать слёзы вглубь глаз? Не без его активного содействия они пролились...

Никогда за предыдущие тридцать лет жизни я столько не плакала – в эти годы с Вовочкой вместилось так неизмеримо много непереносимой боли, что я начала и сидеть – но его действительно нисколько не трогали мои слёзы, а, может быть, даже появился азарт их вызывания. Он, не особо выбирая выражения, стал всё сильнее и сильнее меня оскорблять. Он не знал только одного: что я эти оскорбления жадно хватаю и прячу гораздо тщательнее, чем Гобсек – свои сокровища. Ибо поняла, что только определённое их количество станет клином, который выбьет намертво во мне застрявшую любовь.

Именно эта цель стала для меня главной и я даже готова была отгрызть собственную лапу, держащую меня в капкане. И я согласилась на Вовочкину просьбу написать о нём роман, ибо это дало мне право расспрашивать его о прошлом; в основном, меня интересовали люди и его ним отношение.

– Ты только не напиши чего-нибудь такого, что стало б следовательским досье, иначе я сяду надолго и всерьёз.

– Не бойсь! – презрительно сказала я. И сама потом изумилась этой первой ласточке грядущего освобождения. Ибо и я, поддержанная «Флорентийскими ночами» (Марины Цве-

таевой), любить, презирая, предоставляю другим! Я должна уважать любимого, ибо это даёт мне право уважать себя.

Теперь я знаю, что для меня чья-то внешность роли не играет. Ибо я любила и прощала не только то, что мне в нём не нравилось, но и то, что не совмещалось с моими моральными установками. Да ещё и надеялась, как безумная, что он если он и не полюбит меня в ответ, то хотя бы оценит мощь и безмерность моего чувства, станет как-то сообразовать с ним свои поступки. Или же уйдёт. Но он не сделал ни того, ни другого. Он сделал третье, повергшее меня в изумление, подобно которому я не испытывала ещё ни разу.

– Да! – сказал Вовочка, – если б тебя завербовали менты, я пропал бы в двадцать четыре часа.

– Успокойся, ещё не родился тот, кто меня купит! – и это была вторая ласточка.

Но кто на его месте не возгордился бы? Кто смог бы удержаться и не уязвить люто только что огорчившего его Колю или Петю, если он только что положил трубку после моего звонка, а я, ни разу оного Петю не видевшая, уверяла, что он – пакостник и негодяй. Ибо клетка Вовочкиной лаборатории сопровождала меня, как собственное дыхание, даже если сам Вовочка в доме культуры отсутствовал.

Вспоминая видение его жены, я говорила себе: «Нет, это я ревную, этого не может быть, потому что не может быть никогда!» Ведь женатые для меня выбыли из игры, потому что выбрали или выбраны и уже ведут другую игру, из которой нельзя безнаказанно отвлекаться на другие игры. Ибо априори известно, что они или сами любят, или их любят. Если же любовь кончится, они обязаны сначала вернуть все находящиеся на руках карты и только потом высматривать других желающих поиграть. По крайней мере, я не собираюсь вступать ни в какие игры третьей, кем бы ни был и что бы для меня не значил один из партнёров.

За что я его любила? Кто мне самой сказал бы об этом!

Вовочка находил причины забежать, причём вовсе не обращая внимания на время суток и был железно уверен, что я и в три ночи рада ему точно так же, как и в три дня. Он не допускал и мысли, что мне может хотеться спать или заниматься чем-то другим, кроме лицезрения и любования им.

Оставаясь одна, я много думала обо всей этой дикой ситуации. И, кажется, догадалась, в чём именно состоит коварство любви: в неостановимости. Нет с тобой любимого – тоскуешь о нём так, что не оказывается ничего столь святого, чего нельзя было бы отдать за встречу. А когда любимый рядом – любишься, вглядываешься, выискиваешь достоинства, которых там и близко не было, но ты-то их видишь и бережно собираешь... И сумма, вопреки всем законам математики, оказывается всегда больше слагаемых. Ибо чувство всегда противоречит законам всех наук. И внезапно оказываешься, наконец, в восходящем потоке, который несёт тебя невесть куда...

Не знаю, что бывает с другими. Пытаются ли они спастись, а если да, то как. Я пыталась и долго, и бросила только тогда, когда поняла полную безнадёжность этого. Поняла, что никто и ничто не способно остановить этот поток. Как само Время. И мне оставалось только рассмотреть указатель – который именно круг ада я отмериваю, да узнать, сколько их вообще. И услышать в ответ кого-то невидимого, но, кажется, сочувствующего:

– Да он – нескончаем!

Я догадалась, что буду тащиться по этой каторжной дороге, пока Вовочка не оскорбит меня так, что я не смогу простить. Ибо мне пришлось сделать вывод, что Вовочку надо классифицировать как раба. Именно рабы не только не способны уважать чужую свободу, (независимо от отношений с другим человеком), но не ощущая давления на себя, немедленно пытаются давить на своего визави, пытаясь превратить его в своего прислужника.

И настал день... Вовочка и раньше по мелочам от меня отступался, жестоко надо мной шутил и делал ещё многое, подходившее под квалификацию предательства. Для меня этого

было недостаточно. Я только страдала всё сильнее и сильнее, как если бы застрявший в сердце клин добивали, чтоб расколоть сердце. А оно хотело жить. И я терпела – чтобы истратить запас терпения, потому что после наступило бы спасение!..

Итак, дела его кричали «караул». Его кадры и многочисленные знакомцы не испытывали ни малейшего желания вытаскивать Вовочку, когда неминуемая гроза разразилась. Вовочка крутился, как змей под рогаткой, но это мало помогало.

Моя квартира стала филиалом Пентагона. Телефон звонил практически непрерывно, причём моих звонков за неделю прорвалось всего два. Я, как сталевар от мартена, не отходила от плиты, ибо Вовочкины спасатели оказались прожорливей саранчи. Их столько прошло через мой дом!..

Если мы и спали, то урывками. В промежутках я носилась по своим знакомым, которые охотно и на неопределённые сроки предлагали (но – мне!) в долг сотни две-три: я выбираю людей не по состояниям, а по душе. За что и была жестоко Вовочкой высмеяна, словно пухлость кошелька гарантирует порядочность особи!

Я не претендую, да и никогда не претендовала, на особую за услуги благодарность от ближних. Но ведь не самое почтенное, использовав меня во всех возможных аспектах, да ещё и отославшись у меня напоследок, однажды исчезнуть, даже не предупредив ни о чём. В тревоге я набрала его домашний телефон и трубку спокойно и беспечно поднял Вовочка. Я не стала с ним разговаривать: жив и ладно. Он сам не звонил мне, за полной во мне ненадобностью – месяца полтора.

Я ему, конечно, не звонила тоже, занятая тем, что пыталась из уцелевшего реконструировать собственную жизнь или построить что-либо новое, на жизнь похожее. Вовочка то ли вовсе не обращал внимания на календарь, то ли полагал, что я поумнела и намерена теперь всю оставшуюся жизнь предоставлять себя в его распоряжение по первому его приказу, а потому и не удивлялся моему отсутствию. Я могла помереть и похорониться, а он так и не узнал бы, где могила моя.

Я подсчитала, с какой ритмичностью с ним происходят катастрофы и поняла, что ему не придётся представлять пред мои очи ещё месяца четыре. А потому я могу, по примеру Мюнхгаузена, вытаскивать себя за волосы из трясины. А во избежание вторичного превращения моей квартиры в филиал Пентагона надо бы, по примеру того же барона, выстрелить собой на Месяц.

Арифметика меня любила и не подвела. Но я упустила из виду человеческое коварство. Откуда я могла знать, что один из спасателей уже превратился в Вовочкиного смертельного врага и осуществляет один из планов мести? Посему я открыла в одну из ночей дверь, в которую постучали принятым шифром. Я знала точно, что это не Вовочка, а кто-то, имеющий права его друга и получающий, поэтому, доступ в мой дом в любой час дня и ночи. Тем более, что я – «сова» и дай мне волю, я в и тысячу лет не увидела бы рассвета, ибо как раз перед ним ложусь спать.

Я никогда не относилась к мужененавистницам! Я считаю, что мужчины, даже нейтральные сотрудники и случайные попутчики в общественном транспорте, на которых произвольно упал взгляд, – играют роль горчицы и перца в пресном блюде будней. В крайней случае, над ними можно посмеяться в кругу друзей. Ибо качество современных мужчин упало ниже, чем можно было допустить в плане безопасности, то есть сохранения человеческого рода. Зато если попадают мужчины! Которые – словно драгоценные камни! Но их – так мало! Мужской половине рода человеческого так понравилось, чтоб её берегли, что они со вкусом возлежат в креслах, падают нравами и отращивают всё более длинный язык.

Где это видано, где это слышано, чтобы, сказав мужчине что угодно нейтральное (или положительное), вдруг услышать оное же, прошедшее сплетенный круг и вернувшееся с такими привесками, что ты предстаешь неожиданно в роли врага рода человеческого, причём

под номером первым? Откуда сие недержание – всяческое и всего – словно в прохудившемся решете? И я давлею издавна живущий во мне рефлекс убеждения в порядочности мужчины, как личного и беспощадного врага. Ибо жизнь то и дело подбрасывает всё новые доказательства измелчания столь уважаемой прежде ветви человеческого древа.

Могла ли я, тем не менее, заподозрить, что Коля просто поставил, как на безпроигрышную карту, на мою любовь? Слушала его, веря и не веря его словам о том, что (даже для любимого мной Вовочки) это крайне непорядочно – плакаться на всех перекрёстках о мнимом неравенстве со мной, о моей непонятности и недоступности, о непонимании, как ему быть и что делать... Могла ли я подумать, что Вовочка имел как раз обратную привычку – чистить моим именем и чувством собственную загрязнившуюся репутацию и указывать всем желающим адрес, где водятся подобные идиотки. Поэтому Коля (с самым благородным выражением лица поглощавший второй литр кофе, между затяжками, глотками, пережёвыванием печенья и биением себя в грудь, с пылающим скорбью взором) повествовал мне о несуществующем Вовочкином страдании от моего молчания: вплоть до скоропостижного впадения в очередную катастрофу, о короткости и глухости моего чувства, не спешащего утешить любимого от трудов праведных и неправедных. И так далее в том же духе, вплоть до того самого рассвета, которого я не видела б никогда, не водись в мире доброжелатели вроде Коли.

Я получила написанный дрожащей рукой новый номер служебного Вовочкиного телефона (который ни разу не ответил, ибо, скорее всего, просто не существовал), выслушала ориентировочный Вовочкин адрес, (ибо точного страдалец Коля и сам не знал), поскольку Вовочку не интересовал профиль его специальностей и была благословлена на грядущие подвиги.

Веря и несколько сомневаясь (но только оттого, что не видела никаких даже намёков на ответ с Вовочкиной стороны), я отправилась разыскивать мнимого влюблённого. Никакие расспросы прохожих не помогали, ибо и сама я знаю ровно столько же о жильцах соседнего дома, сколько останавливаемые мной люди, живущие в данном переулке. Поэтому пришлось употребить вышеописанный дар и уподобиться гончей. Я стояла в пяти метрах от Садового кольца, а потому шум стоял адский – в смысле количества стучащих сердец тоже. Услышать тут Вовочку было воистину подвигом. Но его рядом – не было, хотя место п а х л о им. Я кружила и кружила, пока часа через два Вовочка не создал остро аварийной ситуации, выехав вдруг прямо на меня. Охотно сознаю, что он меня увидеть не ожидал, но только то, что сзади ехали исключительно асы руля, избавило его и их от палат Склифосовского.

Не нужно подозревать, что Вовочка мне обрадовался. Он только растерялся, но до такой зато степени, что пошёл пятнами всех цветов радуги и минут пять был не в состоянии вылезти из остановленной на полном автоматизме машины. Я же потратила на поиски столько энергии, что испытывала одно только облегчение. И даже радости, что вижу свою «пропажу», у меня не было. Именно тогда, кстати, мне пришла в голову здоровая идея, что народная мудрость насчет бешения от жира требует срочного воплощения в практику. Потому что Коля мог делать, что ему угодно, но кто же меня за язык тянул соглашаться на эту авантюру! Коля-то вряд ли знал о моих нестандартных способностях!

Но Вовочка, наконец, выкарабкавшийся из автомобиля и оказавшийся рядом, выглядел так, словно это именно он влюблён до безумия, и я не преминула эту странность отметить как факт. Мне не было никакого ровно дела до вида его обители, куда он меня пригласил, мне не хотелось кофе, над которым он хлопотал, мне не интересны были его видеозаписи, мне не хотелось ничего, но поскольку он непрерывно вещал, как не выключенное радио и мне пришлось на него взглянуть, я с изумлением увидела нечто вроде нимба. Да и весь он сиял, словно только что вознесённый апостол. Посему я окончательно решила, что Коля оказал мне чистую правду: Вовочка явно счастлив.

Что не мешало ему два последующих года попрекать меня за этот якобы принесший ему самые разнообразные несчастья, визит. Пока в ответ на очередной упрёк я не рывкнула: «Так

держи на привязи своих шавок! Или не води их ко мне!» За что долго платила по самому крупному счёту. Как это я посмела чего-то не стерпеть!

С деньгами, как всегда, у Вовочки было туго и уж коль я «нарисовалась», так отчего бы меня и не использовать? Ему было всё равно, что я далеко ещё не рассчиталась с прежними займами и что так и не успела войти в круг миллионеров. За что выслушала очередное порицание и удостоилась поистине королевски уничтожающего взгляда. Словно сам он был наследником Рокфеллера или единоличным владельцем сокровищ Английского банка.

Вовочка любил повторять, что на него очень похож граф Монте-Кристо (а не наоборот!). И я, весьма прохладно относясь к творениям обоих Дюма, заставила себя прочесть пресловутый роман и ничего общего между героем одного и Вовочкой не обнаружила: граф не в пример приличней обращался со знакомыми дамами, не использовал их в корыстных целях, не только не заглядывал в их кошелек, но охотно открывал свой, умел не смешивать любви и дела и не выказывал желания завести гарем, хотя и отдавал должное восточному комфорту.

***

Я приехал к Витьке со сложным делом, но решить его мне было очень важно. Витька согласился организовать мне встречу с нужным человечком, но в обмен потребовал помочь одной его знакомой. И мы подруили к ней тут же, поскольку было близко. Я чуть сознание не потерял: разве такие ещё водятся? Я думал, они давно вымерли!

Мне захотелось её охмурить. Хотя это и сложно, причём весьма: эти дамы с максимально выставленными моральными параметрами – идеальный экспонат для паноптикума! Так что мне самому было непонятно, зачем мне это нужно. Ведь её же дешёвкой не купишь, ей душу подавай, а душа у меня не только занята, но и требует серьёзной химчистки. На которую нет ни времени, ни средств. Так зачем она мне нужна: явно витает в облаках, для дел не пригодна совершенно, жена и любовница у меня имеются... Но и расстаться тоже не хотелось.

Витька словно мысли мои прочитал:

– Не вздумай с ней шумы-муры заvertеть! Во-первых, она мне самому нравится, а я, как ты знаешь, холостяк. И даже без любовницы. Не подходит никто. А во-вторых, я мужчина и мужчина правильный. Обидишь её – шкуру с тебя спущу. И я ведь не шучу. Напомнить тебе о Боре?

– Не надо!

О Боре на ночь глядя, да и днём, лучше не вспоминать. Не буду углубляться, но нарушил Боря абсолютно все человеческие и Божеские законы: даже отморозком его назвать – великая честь! А до того, как всё обнаружилось, считался нормальным.

Витька, конечно, не сам-один Боре воздал, в компании, но воздали зато так, что и у Бога не было бы претензий. Короче, нет больше Бори. Канул в Лету и о нём если кто и вспоминал, то с большим облегчением.

Дело же Машкино решалось в течение минуты. Для меня, во всяком случае. Но я растянул этот процесс на два месяца. То, что она просила достать, я возил эти два месяца в машине, причём с самым умным видом. Конечно, я в любую минуту мог ей отдать вещь и уйти, но хотел сначала убедиться, что зачислен в её хорошие «знакомые». Несколько раз я пытал Витьку, где он раздобыл такую уникальную особь, но он всё как-то ускользал, не отвечал, реально влюбился, что ли? А я?

А она? Она-то влюбилась в него? Вряд ли. Так и незачем такой бабе пропадать, пусть лучше в меня влюбится, я хороший. Интересно, какая она в постели? Ни разу там не был с подобной сильфидой!

Эх, как же просто влюбить в себя любую бабу! Погладь её по шерсти да убеди, что она самая умная. И готово. Главное, сообрази, что у неё за шерсть и в которую сторону растёт.

Ну, Машка, кремень, не человек! Пылает, как ведьма на костре и молчит. Разве только чуть приветливее стала. Ну, ничего, ты ещё ноги мне станешь целовать!

И на Страшном Суде я вряд ли отвечу, зачем она была мне нужна. Но какой же кайф я стал ловить, когда в её голосе прорывалось что-то такое... Мурашки по позвоночнику – до чего приятно! Нет, братцы, тут надо железо чуток поковать. Отставить придётся не самое срочное на месячишко-второй... И поиграем в джентльмена.

Я даже несколько увлёкся. Даже отступился временно от теории: обмани ближнего, а то он обманет тебя. По отношению к ней только, конечно. В поговорке связался «черт с младенцем» роль младенца была её.

Ибо пить мне нельзя. И не только потому, что пришлось «торпедироваться», и не потому, что я сжёг себе желудок, хлебнув какой-то пакости для похмелуги, но и потому, что никогда не использую тормозов. И Митька-доктор честно предупредил меня, что в один прекрасный день может просто не найтись лекарств, которые отсрочат мою встречу с потусторонним миром! А я ещё молодцом. Но не понимаю, не понимаю, никогда не пойму, как это люди могут месяцами держать в холодильнике открытую бутылку, пока она не испарится или не прокиснет! Я никогда этого не мог. Зачем тогда и открывать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.